

томительная тоска. Вечность в ощущении Раскольникова, равно как и многих других героев Достоевского, не отграничена от земной жизни, и герой переживает ее уже сейчас и не однажды: “Он бродил без цели. Солнце заходило. Какая-то особенная тоска начала сказываться ему в последнее время. В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего; но от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовались безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то *вечность на “аршине пространства”*. В вечерний час это ощущение обыкновенно еще сильнее начинало его мучить” [Т. 6. С. 327]. Итак, ощущение вечности приходит в определенные часы – и оно особенно ярко в закатный час, когда человек остро переживает тоску по утраченному раю от соприкосновения с живой вечностью. У Достоевского существует и обратная связь: Ставрогину после сна о “золотом веке” вдруг “явственно представился крошечный красненький паучок”, которого он видел на “на листке герани, когда также лились косые лучи заходящего солнца” [Т. 11. С. 22) в доме Матрёши, когда он, притаившись, ждал, пока оскорбленная им девочка покончит с собой. При этом воспоминании об утраченном золотом веке, о косых лучах заходящего солнца Ставрогин говорит: “Что-то как будто вонзилось в меня, я приподнялся и сел на постель” [Т. 11. С. 22). Логический самоубийца Крафт также признается Аркадию Долгорукому, что не любит закатный час.

В приведенном отрывке из “Преступления и наказания” герой ощущает сразу несколько временных перспектив. Во-первых, это после преступления потерянное для него время обыденной жизни: сам Раскольников выпал из времени и его не ощущает. Но, с другой стороны, в этот томительный вечерний час, минуту созерцания, он пытается ощутить вечность, приблизиться к ней; в попытке такого приближения у героев Достоевского, как правило, рождаются их идеи-чувства. В то же время Раскольников теперь боится своей мертвой вечности одиночества, вечности сознания в пустоте, которую он уже переживает до смерти. Наконец, в “косых лучах заходящего солнца” присутствует напоминание о другой вечности – той, которой взыскуют герои – *вечности живой*, исполненной гармонии и любви, “рая”, также в мире Достоевского возможного на земле. (Таинственный посетитель в “Братьях Карамазовых” говорит после признания в давно совершенном преступлении: “А теперь предчувствую Бога, сердце как в раю веселится...” [Т. 14. С. 283]). Все эти смыслы соприсутствуют в сознании Раскольникова, но он чувствует себя удаленным или приближенным к какому-либо из них; так, здесь у Раскольникова активизируется образ вечности мертвой и тоска при виде заходящего солнца.

Две вечности есть и у Ставрогина: ему знакома тоска при виде заходящего солнца, но в то же время он купил маленький дом в кантоне Ури (“Место очень скучно, ущелье; горы теснят зрение и мысль. Очень мрачное. *Я потому что продавался маленький дом*” [Т. 10. С. 513]). Ма-